

ЛУИЗА ФЕДОРОВНА ВИСТИНГГАУЗЕНЪ.

Начальница Патриотическаго Института.

† 1847.

Мы получали печатаемую вслѣдъ за симъ статью при слѣдующемъ письмѣ:
«Во II-мъ томѣ «Русской Старинны» 1870 г. (стр. 131) прочла я рассказъ о томъ, какое впечатлѣніе произвело на воспитанницъ патриотическаго института событіе 14 декабря 1825 года.

«Я сама воспитывалась въ этомъ институтѣ и въ это время была тамъ, почему могу засвидѣтельствовать, что помянутый рассказъ неоснователенъ: всякой благомыслящій человекъ, даже прочтя его, догадается, что если тогда начальница института и дѣйствительно кому-либо шутя сказала, что слыханная пальба была наказаніемъ за то, — что дѣвицы рѣдко говорятъ по-французски, то это конечно было сказано съ намѣреніемъ прекратить дальнѣйшіе разспросы дѣтей о причинѣ пальбы и заставить ихъ прилежнѣе заниматься языкомъ, сдѣлавшимся столь необходимымъ въ жизни. Между тѣмъ напечатанное въ Р. С. бросаетъ какую-то смѣшную тѣнь на бывшую начальницу, тогда какъ извѣстно всѣмъ, что г-жа Вистинггаузенъ (Wistinghausen) — была умная, почтенная дама, рѣдкая начальница, посвятившая себя вполне своимъ обязанностямъ, которую любили и воспитанницы и служившіе съ ней и всѣ знавшіе ее. Въ подтвержденіе словъ моихъ, препровождаю статью, которую одна изъ моихъ подругъ-товарокъ, какъ называли мы другъ друга въ институтѣ, прислала меня напечатать. Помѣщая ее въ «Русской Старинѣ», я надѣюсь, что правдивый рассказъ моеи пріятельницы вполне изгладитъ въ вашихъ читателяхъ то дурное и несправедливое впечатлѣніе, какое статейка во II-мъ томѣ вашего изданія могла бы поселить въ нихъ о достойнѣйшей во всѣхъ отношеніяхъ женщинѣ».

П. К. Яковлева.

Съ своей стороны мы можемъ засвидѣтельствовать, что г-жа П—ли, сообщившая анекдотъ изъ времени пребыванія своего въ Патриотическомъ Институтѣ въ 1825 г., отнюдь не имѣла намѣренія набросить тѣнь на бывшую свою начальницу. Она вполне раздѣляетъ съ своими совоспитанницами чувства безпредѣльнаго уваженія къ памяти г-жи Вистинггаузенъ. Рассказъ же свой г-жа П—ли привела какъ доказательство того авторитета, каковымъ поль-

зовалась Луиза Федоровна между дѣвицами вѣреннаго ей института: невнятная шутка ея, какою безъ сомнѣнія было замѣчаніе о выстрѣлахъ направленныхъ противъ заговорщиковъ 14 декабря, была принята дѣвицами за непреложную истину. Возможность подобной шутки не отвергаетъ и г-жа Яковлева. Во всякомъ случаѣ, мы съ удовольствіемъ даемъ мѣсто интересной замѣткѣ о Л. О. Вистинггаузенъ, достойной сподвижницѣ трехъ императрицъ въ ихъ заботахъ о воспитаніи дочерей русскаго дворянства.

Ред.

Желая передать святую для меня память о бывшей въ теченіи тридцати лѣтъ начальницей Патріотическаго института, Л. О. Вистинггаузенъ, — другимъ ея питомкамъ, которыя бы также поманили о ней добрымъ словомъ, мнѣ пришло на мысль посвятить ея личности небольшую замѣтку, продиктованную мнѣ чувствами искренней глубокой благодарности.

Я поступила въ патріотическій институтъ почти въ одно время, какъ Луиза Федоровна была переведена туда изъ начальницъ Дома Трудолюбія, что нынѣ Елисаветинскій Институтъ. Въ то время она имѣла при себѣ пять дочерей, которыя кромѣ старшей, бывшей уже замужемъ, по мѣрѣ своего возраста, начинали ходить въ классы и учиться вмѣстѣ съ нами. Съ ними однако Луиза Федоровна обходилась точно также, какъ и со всѣми нами; къ нимъ она даже была взыскательнѣе и требовала, чтобы онѣ служили примѣромъ другимъ. Не стану и говорить о томъ, съ какою любовію обходилась она съ нами, какъ, можно сказать, изучала характеръ каждой, старалась истреблять дурныя наклонности, поощрять хорошіе поступки, — ограничусь только разсказомъ о томъ, что извѣстно мнѣ самой; такъ какъ я, окончивъ ученіе въ институтѣ, оставалась въ немъ до самой кончины незабвенной нашей мамы.

Немногія изъ воспитанницъ института были дочери достаточныхъ родителей, бѣльшая часть, какъ и теперь, поступаютъ туда дѣти бѣдныхъ отцевъ. Одинъ изъ послѣднихъ, имѣвшій трехъ дочерей и сына, и содержавшійся скромнымъ жалованьемъ по службѣ и небольшими посторонними занятіями, желалъ дать дочерамъ своимъ образованіе, и изъ скудныхъ своихъ средствъ платилъ за старшую въ патріотическій институтъ. Когда узнала это мама — да позволено мнѣ будетъ употреблять это названіе, оно такъ тѣсно соединено въ моемъ сердцѣ съ именемъ моей покойной благодѣтельницы, такъ точно и такъ кратко выражаетъ ея къ намъ отношенія, мы такъ привыкли къ нему, что я и не могу назвать ее иначе — когда она узнала о томъ, она приняла искреннее участіе въ семействѣ и, по ея ходатайству, другая сестра дѣвицы была помѣщена бывшему пред-

сѣдательницею патриотическаго общества Е. А. Уваровою на казенный счетъ; третья на счетъ экономическихъ суммъ, сына успѣла она своими связями помѣстить въ горный институтъ. Я указала здѣсь одинъ примѣръ, но они были безчисленны. Сестеръ и многихъ другихъ бѣдныхъ воспитанницъ она старалась принимать на счетъ институтскихъ или экономическихъ суммъ, и были примѣры, что такимъ образомъ воспитывалось нѣсколько сестеръ, одна за другой.

Что касается до надзора за воспитанницами, за порядкомъ въ домѣ, за всѣми лицами, принадлежащими къ институту, то мы не могли надивиться, когда находила она время за всѣмъ смотрѣть, все видѣть. Она была съ нами безпрестанно, въ дортуарахъ, въ классахъ, за столомъ. Обѣдала она всегда съ нами, даже и тогда, когда замужня ея дочери, зятя, или кто-либо изъ знакомыхъ обѣдали у нея въ ея комнатахъ, и потому насъ кормили всегда хорошо. Въ 1827 г., когда институтъ поступилъ подъ высшее покровительство императрицы Александры Ѳеодоровны и покойный государь обратилъ содержаніе его на инвалидный капиталъ, дабы дать возможность воспитывать большее число дочерей бѣдныхъ раненыхъ, повелѣно было расширить помѣщеніе институтскаго дома, а дѣвицъ перевели на лѣто въ Царское Село, въ Александровскій дворецъ, и императрица Марія Ѳеодоровна, живши въ Павловскѣ, часто посѣщала насъ. Приѣхавъ однажды къ намъ во время обѣда, она, разумѣется,шла за столомъ нашимъ и шаман, и возвратясь въ Павловскъ, призвала къ себѣ статсъ-секретаря своего, покойнаго Гр. Ив. Вилламова.

„Знаете ли, какую радость я видѣла? — сказала она ему. Въ Патриотическомъ институтѣ начальница обѣдаетъ за однимъ столомъ съ дѣтьми. Это надобно завести и въ нашихъ институтахъ“.

— „Я это давно знаю“ — отвѣчалъ Григорій Ивановичъ — „но не думаю, чтобы мы согласили на то нашихъ статсъ-и кавалерственныхъ дамъ“.

Упомяну здѣсь кстати, что въ Царскомъ Селѣ мы тогда блаженствовали. Всякій вечеръ водили дѣвицъ гулять въ аллею, гдѣ встрѣчались мы съ царскими дѣтьми и играли съ ними. Самое большое навазаніе для провинившихся было то, что ихъ не брали гулять вмѣстѣ съ другими.

Я уже сказала, что мы удивлялись дѣятельности шаман. Несмотря на постигшіе ее сильныя удары (потеря четырехъ взрослыхъ дочерей и сына), она нимало не оставляла свои занятія по институту. Мы никогда не видали ее больною, и не понимали, когда она отдыхаетъ и спитъ, потому что часто по ночамъ обходила она дортуары; днемъ же — ее видѣли постоянно вездѣ, и дѣвицы говорили:

„что это такое? куда нельзя идти, вездѣ встрѣтишь маман; вотъ ужъ отъ нея нигдѣ не скроешься“. Всегдашнимъ своимъ обращеніемъ съ дѣвцами, она такъ хорошо знала каждую, что если она которую-либо изъ нихъ поймаетъ невзначай за чѣмъ-либо нехорошимъ или тамъ, гдѣ ей быть не должно, то виновная никакъ не смѣла ей солгать, думая, что она по лицу ея узнаетъ правду. Дѣти называли ее всевѣдущей. Императоръ Николай Павловичъ отозвался о Луизѣ Федоровнѣ, что она гениальная женщина.

Дѣвцы изъ старшаго класса дежурили у ней цѣлый день и, такимъ образомъ, она ближе знакомилась съ ними и узнавала ихъ характеръ.

Послѣ обѣда она обыкновенно садилась у дверей и всѣ дѣвцы попарно проходили мимо ея; на каждую она смотрѣла съ большимъ вниманіемъ, и вообще когда замѣчала, что которая-либо изъ нихъ блѣдна или скучна, призывала ее къ себѣ, спрашивала объ ея здоровьѣ, отъ чего она грустна, и если послѣднее было отъ какихъ-либо обстоятельствъ, семейныхъ или институтскихъ, старалась помочь и поправить. У трудно-занемогшихъ, она часто проводила на казенномъ тюфякѣ подлѣ больной цѣлыя ночи, давала ей сама лекарства, и ухаживала такъ, какъ только можетъ ухаживать мать за любимымъ ребенкомъ; тутъ не различала она, хорошая или дурная дѣвица была больна; ко всякой она была добра и внимательна и старалась исполнять даже ея прихоти. При обходѣ больницы врачамъ, она всегда находилась сама и наблюдала, чтобы приказанія доктора о каждой были строго исполняемы. Послѣ перестройки дома, спальня ея была подлѣ лазаретной комнаты, гдѣ лежали больныя трудныя, и чуть ночью которая-нибудь изъ нихъ застонетъ, маман уже подлѣ, спрашиваетъ, утѣшаетъ, успокоиваетъ.

Никакія родства, знакомства, связи не имѣли вліянія на отношенія маман къ дѣвцамъ: для нея были всѣ равны; она отличала и поощряла хорошихъ, взыскивала съ дурныхъ, чьи бы дѣти онѣ ни были. Одну вновь поступившую дѣвицу посадили въ классѣ между другими; она спросила у своей сосѣдки, кто ея отецъ, и когда та сказала, что поручикъ, новенькая объявила, что не хочетъ сидѣть возлѣ дочери поручика, такъ какъ отецъ ея князь. Маман стояла сзади и слышала это. По окончаніи класса, она взяла приѣзжую за руку, поставила передъ дѣвцами и стала дѣлать ей наставленія и стыдить; съ тѣхъ поръ между дѣвцами не было и рѣчи о званіи каждой.

Въ 1824 г., во время наводненія, маман такъ много хлопотала, заботилась о пострадавшихъ и помогала имъ, что примѣръ ея оду-

шевить и всёхъ дѣвицъ. Мы всё стали просить у нея дозволенія отказаться отъ хлѣба, который давали намъ за завтракомъ, въ пользу несчастныхъ. Намъ дозволили это и мы смотрѣли въ окно, когда выносили корзину съ хлѣбомъ; какъ радовались мы видя, какъ бѣдные бросались на хлѣбъ и въ одну минуту опустошали корзину, и какъ благодарили мы маман за то, что могли хотя чѣмъ-нибудь помочь пострадавшимъ. Въ это же время она заставила насъ шить для бѣдныхъ бѣлье изъ нашего стараго; вообще старое бѣлье наше никогда не продавалось, а отдавалось бѣднымъ. Намъ строго воспрещено было, при вышиваніи по канвѣ, бросать кончики и обрѣзки шерсти, мы должны были собирать ихъ и потомъ все это отдавалось бѣднымъ, которые вязали изъ того чулки.

Во время холеры въ 1831 г. институтъ былъ запертъ; маман во все время не выѣзжала никуда, и никто изъ постороннихъ не былъ впускаемъ; когда приѣзжали къ маман ея замужнія дочери или зятя, то она сходила внизъ въ швейцарскую, откуда въ окно выставляли на тротуаръ стулья и такъ она съ ними разговаривала. Между дѣвицами и дамами не было ни одного несчастнаго случая; но между прислугой были. Какъ скоро заболѣвалъ солдатъ или кто-либо, хотя и ночью, ей сейчасъ давали знать: она немедленно приходила сама, распорядилась о подааніи первой помощи и смотрѣла, какъ отправляли больного въ госпиталь. Вообще она весьма часто обходила весь домъ и нижнія комнаты, гдѣ помѣщалась прислуга, смотрѣла, чтобы вездѣ наблюдалась чистота и былъ свѣжій воздухъ; когда штатъ института увеличился, по ея ходатайству была сдѣлана пристройка для помѣщенія солдатъ. Казармы содержались въ большомъ порядкѣ и чистотѣ, потому что знали, что начальница часто ходила туда.

Классныя дамы болѣею частію были изъ воспитанницъ института, и потому маман знала ихъ характеръ и способности. При выборѣ ихъ, она всего болѣе обращала вниманіе на ихъ нравственность. „Учителя у нихъ есть и безъ того — говорила она — но дамы должны служить для дѣвицъ образцами нравственности“. Обходилась она съ ними какъ съ своими дѣтьми и хотя притомъ была также взыскательна, но любила доставлять имъ удовольствія: брала ихъ съ собою въ театры, когда покойные военные генераль-губернаторы, графъ Эссенъ и Храповицкій, присылали билетъ на свою ложу, и сверхъ того отпускала ихъ въ концерты и спектакли, если онѣ имѣли случай или возможность посѣщать ихъ; въ такомъ случаѣ она сама не рѣдко дежурила за отпущенную даму, заставляла читать, диктовать, спрашивала уроки, однимъ словомъ, исполняла всё обязанно-

сти, пока дама не возвращалась. Пепиньерокъ по воскресеньямъ и праздникамъ возила она къ замужней дочери, гдѣ доставляли имъ всевозможныя удовольствія. Кромѣ того, она посылала пепиньерокъ съ старшею классною дамою во всѣ институты на публичные экзамены — тогда они еще были, — приказывая имъ внимательно замѣчать все, какъ и что онѣ найдутъ, и если усматривала что-либо короче въ другомъ заведеніи, немедленно вводила и у себя.

Пепиньеркамъ, получавшимъ тогда всего по 6 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ, къ большимъ праздникамъ маман дѣлала болѣе или менѣе значительные подарки.

Всѣ вышедшія дѣвицы въ скорби и несчастіи прибѣгали къ маман, въ полной увѣренности, что онѣ найдутъ покровительство и помощь. Тѣ, которыя поступали въ гувернантки или компаньонки, обязаны были вести съ нею переписку; если она узнавала, что мѣсто нехорошо, то, до присканія другого, брала дѣвицу къ себѣ въ институтъ. Она хлопотала не только объ нихъ, но и объ ихъ родныхъ, дѣтахъ и проч., и какъ она пользовалась общимъ уваженіемъ, то очень охотно исполняли ея просьбы. Случалось, что къ ней, въ крайнихъ обстоятельствахъ, обращались и такія воспитанницы, которыми въ институтѣ она была недовольна: она точно также заботилась и объ нихъ и никогда, ни однимъ словомъ не давала имъ почувствовать прежнее ихъ поведеніе. „Ее и безъ того наказала судьба“, говорила она намъ.

Всякій день посѣщала она классы, во время преподаванія, и если что-нибудь ей не нравилось, просила учителя зайти изъ класса къ ней и дѣлала ему замѣчанія. Учителя со всѣми своими нуждами относились къ ней, какъ къ матери и, разумѣется, она, сколько могла, исполняла ихъ просьбы. Такъ обращалась она и со всѣми служащими въ институтѣ. Разъ замѣтила она, что одинъ изъ нихъ былъ очень скученъ и озабоченъ, она стала разспрашивать его и узнала, что онъ задолжалъ и обязанъ уплатить довольно значительную сумму. Денегъ у маман не было; она отдала ему свои жалованные брилліанты, съ тѣмъ, чтобы онъ заложилъ ихъ; причемъ взяла съ него слово никому не говорить о томъ. Когда онъ поправился, выкупилъ брилліанты и возвратилъ ихъ маман.

Доброта ея была извѣстна всѣмъ: въ теченіе мѣсяца накоплялось у ней много писемъ отъ бѣдныхъ; по полученіи жалованья, она въ каждый пакетъ вкладывала деньги и отсылала; когда же ей замѣчали, что у ней самой ничего не осталось, она отвѣчала: „мнѣ ничего не нужно“.

20 іюля 1847 г., въ воскресенье, она вдругъ почувствовала себя

душно въ то время, когда подана уже была карета, чтобы ѣхать съ пепиньерками обѣдать къ замужней ея дочери, жившей на дачѣ: до того она все была на ногахъ и передъ тѣмъ, по обыкновенію, обогрѣла всѣ этажи дома. Вечеру ея не стало. Императрица Александра Феодоровна почтила рескриптомъ старшую дочь ея, изъявивъ въ немъ все сожалѣніе свое о потерѣ столь достойной женщины и примѣрной начальницы заведенія.

Въ бумагахъ покойной осталось много собственноручныхъ записокъ императрицъ: Елисаветы Алексѣевны и Александры Феодоровны, показывающія, какъ высоко онѣ уважали ее. Государыня, сообщая Л. Ф. о какомъ-либо распоряженіи, которое ей желательно было сдѣлать, обыкновенно прибавляла: „если и вы того же мнѣнія“.

Сердечно любившія покойную, воспитанницы желали непременно поклониться праху доброй своей мамы и, съ высочайшаго соизволенія, полтораста дѣвицъ высшаго класса института, 17 августа 1847 года, печальною процессіею, прошли по улицамъ Васильевского острова, на Смоленское кладбище, и тамъ, принадавъ къ могилѣ, каждая, съ мольбой и слезами, положила букетъ на дорогу могилу.

Въ день ея кончины, 20 іюля, по высочайшему повелѣнію, нѣсколько дѣтъ служили по ней панихиды въ церкви института, въ соборѣи всѣхъ дѣвицъ.

Я описала факты. Не прибавляю отъ себя ничего, какъ ни полно сердце мое благодарностію и любовью къ незабвенной мамѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Ma chère Madame de Wistinghausen, Vous connaissez ma constance dans mes anciens attachements, et malgré votre rare modestie, vous devez avoir la conviction, que vous avez bien contribué de votre part à rendre mon attachement pour vous aussi sincère que durable; le temps et l'éloignement n'y changent rien. Je m'en aperçois aux regrets que j'éprouve de n'être pas présente à la prochaine solennité de notre cher Institut Patriotique et du plaisir que j'ai à me transporter souvent en pensée auprès de vous, à vous retrouver comme une bonne mère au milieu de nos chères élèves. Et tout cela est accompagné de mes bénédictions maternelles et de mes vœux les plus ardents pour votre contentement et pour le bonheur de celles dont le ciel vous a confié la direction; soyez persuadée et dites le bien à nos chères enfants, que vous êtes un sujet fréquent de mes réflexions et de mes prières. Tous les rapports concernant l'Institut sont si favorables et si honorables pour vous, qu'ils me confirment dans l'opinion que la bénédiction de Dieu repose sur vos travaux et que le Ciel continuera à bénir vos soins et vos peines. Connaissant vos sentiments, c'est une grande satisfaction pour moi, que de pouvoir vous donner

l'assurance, que mon auguste Epoux, Sa Majesté l'Empereur, partage avec moi l'approbation que j'ai accordée de tous temps à votre zèle distingué et qu'il forme avec moi les mêmes vœux pour vous et nos chères élèves. Je vous offre, à l'occasion de la présente sortie, un petit souvenir, en vous en conservant un autre dans mes sentiments, qui resteront toujours ceux d'une sincère estime et d'un véritable attachement et avec lesquels je ne cesserai jamais d'être votre très affectonnée Alexandra.

Palermo le 20 Décembre 1845.

Приписано Императрицею собственноручно:

Ich wünsche Sie noch ganz besondres, liebe, gute, beste Wirtingshausen, Gott erhalte Sie unseren Hause und mir noch viele Jahre.

Иг.

II.

Милостивая государыня Луиза Феодоровна! По волѣ государя императора, я имѣлъ счастье повергнуть на милочайшее его величества разсмотрѣніе спискомъ съ всеимпериальскаго рескрипта, коимъ государынѣ императрицѣ благоугодно было удостоить насъ въ 20 день минувшаго декабря, по случаю настоящаго выпуска окончившихъ ученіе воспитаницъ Патриотическаго института.

Его императорское величество, на докладной запискѣ моеѣ съ приложеніемъ означеннаго рескрипта, сего числа собственноручно написать соизволилъ: „Въ полной мѣрѣ заслуженное; дай Богъ ей здоровья, она неосцѣнима для пользы заведенія“.

Съ искреннимъ удовольствіемъ сообщая вамъ о столь лестномъ монаршемъ отзывѣ, прошу покорнѣйше принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ вамъ, милостивая государыня, почтеніи и преданности. Н. Лонгиновъ.

18 января 1846.

III.

Madame de Kniajevitch!—La perte irréparable que vous venez de faire, vous et votre soeur, madame de Christiani, m'engage à vous témoigner la part sensible, que je prends à votre profonde affliction. Il n'y a sûrement que la religion seule, qui puisse maintenant vous fournir des consolations; néanmoins j'ai espéré, que dans votre légitime douleur vous éprouveriez quelque adoucissement en songeant qu'elle est partagée par ceux, qui ont connu votre défunte et respectable mère. Plus j'ai été à même d'apprécier ses rares qualités durant sa longue et honorable carrière, comme supérieure de l'Institut Patriotique, plus mes regrets sont vifs de la voir enlevée par la mort à la charge importante, que malgré son âge avancé, elle remplissait encore si scrupuleusement et avec un zèle si bien entendu. Les élèves, qui se trouvent à l'Institut, ainsi que celles qui l'ont quitté, ne manqueront certainement pas de s'associer à notre affliction, en pleurant celle, dont toute l'existence n'a été vouée qu' à les entourer d'une sollicitude maternelle. Tous ses regrets ne doivent être considérés que comme un hommage, rendu à une vertu, qui actuellement sans doute jouit d'une récompense, que le Ciel seul pouvait lui accorder.

C'est avec les sentiments de bienveillance que je suis votre affectionnée Alexandra.

Alexandrie, ce 25 Juillet 1847.

Сообщ. П. Е. Яковлева.